

Элиас Гримм

18+

СЛАВЯНСКИЙ ХОРРОР

НА КРАЮ ЛЕСА

Элиас Гримм

Славянский хоррор: на краю леса

«Издательские решения»

Гримм Э.

Славянский хоррор: на краю леса / Э. Гримм — «Издательские решения»,

Из глубины веков доносятся отголоски древних преданий: там, где земля помнит старые клятвы, а ветер несёт чужие имена, пробуждается то, о чём лучше молчать. Сборник мрачных историй, где каждая строка — шаг по тонкой грани между нашим миром и иным.

© Гримм Э.

© Издательские решения

Содержание

ПОЛДЕНЬ	6
УПЫРЬ	9
ЗЕЛЁНЫЕ СВЯТКИ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Славянский хоррор: на краю леса

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2026

ISBN 978-5-0071-1127-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЛДЕНЬ

Зной. Слово это, казалось, пропитало воздух, превратив его в густую, тягучую субстанцию, с трудом пропускаемую легкими. Солнце, раскаленный диск в безжалостной синеве неба, безжалостно давило, иссушая землю и вытягивая последние крохи влаги из пыльной травы. Матвей шел по полю, по этому самому полю, где время, казалось, застыло, поглощенное невыносимым сиянием полудня. Каждый шаг его, тяжелый, словно погруженный в вязкий сироп, выбивал из-под ног сухую, шуршащую паутину стеблей.

Его сознание, словно выгоревшее на солнце, перелистывало страницы прошлого, возвращаясь к тому дню, который, казалось, был вытравлен из его жизни, но остался глубоким, незаживающим шрамом. Тот день. Тоже полдень. Тоже этот невыносимый зной. Он был тогда мальчишкой, всего двенадцати лет, с неумной энергией и наивной верой в безграничность мира. Рядом была Марья, его родная сестра, на два года моложе, ее смех, звонкий, как колокольчик, до сих пор отзывался в самых потаенных уголках его души.

Они играли. Простая, детская забава — прятки. «Я считаю до ста, а ты беги!» — крикнул он тогда, закрывая глаза... девяносто восемь, девяносто девять, сто! Он открыл глаза, мир вокруг был залитым светом, но где-то в этом свете, среди золотистых колосьев, пряталась Марья. Он искал. Исследовал каждый метр этого бескрайнего поля, каждый холмик, каждую ложбинку. Тень от раскидистого дуба, одиноко стоящего у края поля, казалась обещанием, но и там ее не было.

Лес. Черная, манящая громада деревьев, темнела вдалеке, словно зев бездонной пропасти. Туда устремился его испуганный взгляд. Часы, наполненные тщетными поисками, отчаянием, растущим с каждым шагом, с каждым шелестом листвы, который обманом казался ее голосом. Но ответа не было. Лишь гулкое эхо его собственного страха.

«Марья! Марья!» — его дрожащий голос разрывал тишину, теряясь в безмолвии природы. Он возвращался на поле, обшаривая взглядом каждый сантиметр, но она словно растворилась в воздухе. Тогда, обезумев от страха, он помчался домой. Отец, Даниил, и мать, Светлана, немедленно присоединились к поискам. Ночь окутала землю, унося с собой последние проблески надежды. Они искали, звали, прочесывали каждый уголок, но Марья так и не нашлась.

Прошло тридцать четыре года. Тридцать четыре года, в течение которых это поле стало молчаливым свидетелем его вечной вины. Его родители, некогда любящие, стали чужими, их глаза, полные боли и обвинения, смотрели на него с ледяным отчуждением. Эта холодность, словно снежный ком, катилась по его жизни, забирая тепло и свет. Их разговоры, скупые, пассивно-агрессивные, сводились к односложным ответам, каждый из которых был словно удар ножом в сердце.

Первым ушел отец. Матвею было семнадцать, когда Даниил, сломленный, иссохший, отправился в мир иной. На похоронах, стоя у вырытой пустой ямы, мать, Светлана, повернулась к сыну. Ее лицо, изможденное горем, было словно высечено из камня. Когда гроб опустили в землю, она произнесла слова, которые навсегда врезались в его память, слова, ставшие его вечным приговором: «Ты довел его до смерти. Ты. Потерял сестру, не уследил. У нас с Даниилом тогда сердце разбилось. И теперь я чувствую, что скоро уйду вслед за ним. И этот груз, эта вина — на твоих плечах».

Не прошло и года. К своему восемнадцатилетию Матвей остался совсем один. Мать скончалась в июле. Похороны, летний закат, воздух, пропитанный сладковатым ароматом увядающих трав — этот контраст, эта смесь боли, утраты и какой-то странной, призрачной красоты, навсегда осталась в его памяти.

И вот теперь, спустя столько лет, он стоял посреди того самого поля. Солнце жгло нещадно, заставляя его щуриться. Он обвел взглядом бескрайние просторы, затем устремился вдаль, к чернеющей кромке леса. Туда, где когда-то звучали его отчаянные крики. Вспомнить. Найти ответ. Хотя бы крошечный осколок правды, который мог бы исцелить его израненную душу.

Он бродил среди деревьев, их ветви сплетались над головой, образуя зеленый шатер. Казалось, каждый лист, каждая ветвь несли в себе тайну. Он наблюдал за тем, как кроны деревьев тянутся друг к другу, как они переплетаются, словно единый организм. Эта связь, эта незримая нить, напомнила ему о семье, о той незыблемой связи, которая некогда объединяла его и родителей, до утраты сестры. Природа, с ее звуками — пением птиц, шелестом ветра, стрекотанием кузнечиков — успокаивала его, принося мимолетное облегчение.

Он думал о людях. О том, почему им так необходимо кого-то винить, даже если этот «кто-то» невиновен. Почему всегда должен быть изгой, на котором можно выплеснуть свою боль, свой страх, свою неспособность принять происходящее? Вместо того, чтобы разбираться, вместо того, чтобы искать рациональные ответы, они предпочитали чувствовать, осуждать, клеймить.

С этими мыслями, медленно отпускающими его от тяжести обид и недоумения, Матвей вышел из лесной чащи обратно к полю. Солнце стояло в зените, заливая все вокруг резкими, почти скульптурными тенями. Мир казался нереальным, словно сотканным из солнечных лучей и тишины, погруженный в странный, медитативный сон. И вот, вдали, на фоне выжженной степи, он заметил их.

Женщина. Высокая, с гривой светлых, как спелая пшеница, волос, одетая в платье, которое он безошибочно узнал — это был наряд его матери, Светланы. Платье, которое она носила в самые жаркие дни, когда работала в огороде, когда ее руки пахли землей и помидорами. Рядом с ней стояла девочка, маленькая, хрупкая, и обе они смотрели на Матвея.

Он замер, его сердце забилося в груди, словно пойманная птица. Солнце слепило глаза, заставляя его щуриться. Лица их были размыты, словно подернуты легкой дымкой, но он чувствовал их взгляд, направленный прямо на него. Странное, необъяснимое чувство овладело им — смесь тревоги и забытого, детского восторга. Он медленно, осторожно направился к ним, чувствуя, как под ногами проминается сухая трава, издавая тихий, шелестящий звук.

Ветер, почти неосязаемый в этой раскаленной пустыне, лениво колыбал верхушки стеблей. Облака, редкие и призрачные, медленно плыли по небу, словно белые корабли в безбрежном синем море. Пот струйками стекал по его лбу. Каждый шаг приближал его к ним, и с каждым шагом их лица становились все более отчетливыми.

Сперва он увидел мать. Ее знакомые черты, ее печальные, но отчужденные глаза. А рядом с ней... Марья. Его сестра, та самая, которая исчезла тридцать четыре года назад. Теперь он видел ее ясно — ее тонкие черты, ее немного испуганный, но любопытный взгляд. Слезы навернулись на его глаза.

«Марья! Марья!» — его голос прорвался сквозь застывшую тишину, наполненный невыразимой болью и надеждой. Он шел к ним быстрее, почти бежал. Они стояли неподвижно, словно высеченные из камня, их взгляды, пусты и безмятежны, были устремлены на него.

Подойдя ближе, он ощутил странное искажение пропорций. Его мать, которая при жизни была ниже его, теперь возвышалась над ним. Ее рост казался неестественно большим, ее фигура — монументальной. Он остановился в десяти метрах от них, дыхание его сбилось.

«Мама, это ты?» — его голос дрожал. «Марья, это я, Матвей!» — крикнул он, отчаянно пытаясь достучаться до них, до сознания, которое, казалось, ушло где-то в глубины забвения. Они молчали. Лишь их пустые глаза смотрели на него, не выражая ничего.

Он сделал шаг. В груди что-то кольнуло. Еще шаг. Перед глазами начало темнеть, мир вокруг сужался, погружаясь в какую-то туманную дымку. Еще шаг. Ноги подкосились, и он

рухнул на нагретую солнцем землю. Его взгляд, теряя четкость, устремился на мать и сестру. Лицо матери, искаженное странной, медленно расплывающейся улыбкой, стало последним, что он увидел, прежде чем погрузиться во тьму.

УПЫРЬ

Село Слобода, затерянное среди уральских просторов, примостилось к величавой реке Чусовой, словно извечный страж, оберегающий её тихие воды. Здесь время текло неторопливо, подчиняясь ритмам природы, а человеческие судьбы переплетались с дыханием леса и речного прибоя.

Людмила, женщина двадцати восьми лет, несла в себе ту особую красоту, что рождается из сдержанности и внутренней силы. Её глаза, цвета осеннего неба, часто смотрели куда-то вдаль, туда, где, казалось, таились её самые сокровенные мечты. Эти мечты разделял её муж, Тихомир, тридцатитрехлетний плотник, чья жизнь была тесно связана с землей и трудом. Он был воплощением деревенской мощи: широкие плечи, сильные руки, привыкшие держать топор и рубанок, и взгляд, полный надежды и решимости.

Их дом, крепкий, срубленный из могучих сосен, стоял на самом берегу. Внутри царила атмосфера любви и ожидания. Дважды Людмила носила под сердцем дитя, дважды эта крохотная жизнь угасала, не успев расцвести. И вот, в третий раз, чудо, казалось, вновь явилось.

«Бог троицу любит», — шептали старожилы, и эта древняя примета, словно оберег, укрепляла их сердца. Надежда, хрупкая, как первый лед на Чусовой, но упрямая, как весенняя трава, пустила корни в душах Людмилы и Тихомира.

Август, обычно ласковый и щедрый, в тот год сменился ранней прохладой. Река, отражая небо, казалась холодной и неприветливой. Тихомир, ощущая приближение суровой зимы, не позволял себе отдыха. Он брался за любую работу, возвращаясь домой поздно, когда первые звезды высыпали на бархат ночи. Его кашель стал глубже, надсаднее, а порой казалось, что в груди у него не легкие, а ворочающиеся от боли камни.

«Сбереги себя, милый, — с тревогой шептала Людмила, прикладывая ладонь к его горячему, пылающему от жара лбу. — Зима долгая, а нам ведь и так немного нужно. Главное, чтобы ты был рядом».

Тихомир лишь по-доброму улыбался, с трудом приподнимая голову: — Всё для него, Людушка. Для ребёнка нашего. Чтобы рос в тепле, чтобы ничего плохого не знал. Чтобы наша с тобой мечта жила.

Последние дни сентября принесли с собой первый иней, серебряной пылью осыпавший жухлую траву. Не спала ни на минуту Людмила, ухаживая за ним, но жар, который, казалось, мог бы растопить сам лед, лишь истощал его силы. Вскоре он перестал вставать с печи, и только его глаза, расширенные от слабости, следили за каждым движением жены. 29 сентября, когда последние лучи угасающего солнца коснулись окон дома, дыхание Тихомира оборвалось. Тихо, как гаснет самая тонкая свеча, не оставив даже искорки.

На похоронах Людмила стояла, словно окаменевшая. Порывы ветра с реки хлестали её по лицу, неся с собой запах сырой земли и прелой листвы, но она не чувствовала ни холода, ни боли. Лишь тени её собственного горя омрачали её взгляд. Вокруг, за спиной, слышались приглушенные голоса: — Бедняжка... Одна осталась... Да еще с ребенком на руках... Как же она одна-то справится?

Эти разговоры, подобно острым осколкам, ранили её сердце, но она лишь молча смотрела, как тяжелая, мокрая земля скрывает последние очертания гроба её Тихомира — единственного, кого она любила всей душой.

Октябрь окутал Слободу ранними заморозками. Каждый рассвет встречал жителей деревни ледяными узорами на окнах. Людмила, погруженная в своё горе, ощущала себя отрезанной от мира, словно остров, окруженный холодными водами. Соседки, видя её состояние, приходили не только из жалости, но и из опасения, что горе может сломить её окончательно.

Они приносили с собой еду: молоко, свежий хлеб, припасенные на зиму грибы, и, главное, слова поддержки.

— Живи, Люда, ради него, — говорили они, глядя её по руке. — Всю ту любовь, что была к мужу, вложи в малыша. Он ведь продолжение ваше, плод вашей любви.

Людмила, прислушиваясь к их словам, находила в них утешение. Она смотрела на живот, и в её глазах, ещё недавно полных слез, загорался новый огонек. «Я буду сильной, — шептала она себе, — ради него. Ради нашей с Тихомиром кровинки».

И вот, в самый разгар осени, когда природа готовилась к долгому сну, 23 октября, в их доме раздался первый крик. Сын. Маленький, хрупкий, но такой живой. Людмила, глядя в его крошечное личико, почувствовала, как сердце её наполняется небывалой радостью. Она назвала его Тихомиром.

В тот момент, когда она впервые взяла сына на руки, держа его, словно бесценный дар, она почувствовала, как вся скорбь, что терзала её, начала отступать. Это было не забвение, а скорее вытеснение. Забота о крохотном существе, его кормление, пеленание, нежные колыбельные — всё это заполняло пустоту, оставленную смертью мужа. Она рассказывала сыну сказки, те, что когда-то шептала ей бабушка, когда она сама была маленькой. Эти слова, полные мудрости и тепла, казались отголосками прошлого, когда мир был полон родных лиц, голосов, ласковых рук. Но теперь эти воспоминания были словно затуманены, как сон, который трудно удержать в памяти. Она осталась одна. В своей семье, в своей жизни — только она и её сын Тихомир.

Эта мысль, что в её жизни теперь есть кто-то еще, кроме нее, давала ей силы. Ребенок стал её смыслом, её опорой, её единственной семьёй. Пока он дышал, пока чувствовал её тепло, у неё был повод жить.

Первые дни ноября принесли с собой резкое похолодание. Снег, густой и пушистый, покрыл землю непроходимым белым одеялом. Людмила, как и прежде, растапливала печь, колола дрова, те, что успел запасти муж. В эти моменты, когда руки её привычно двигались, а тело ощущало знакомую усталость, воспоминания о муже нахлынули с новой силой. Его сильные руки, его заразительный смех, морщинки у глаз, когда он улыбался, — всё это оживало в её памяти, вызывая смешанные чувства нежности и щемящей тоски. Слёзы, которые казались иссякшими, вновь начинали накатывать, но теперь в них было больше светлой грусти, чем отчаяния.

В одну из таких ночей, когда мысли о Тихомире не давали ей уснуть, она сидела в небольшой комнате, освещенной лишь одной, тускло мерцающей свечой. Пламя отбрасывало дрожащие тени на стены, и лишь слабый свет освещал крошечное личико её сына, мирно спящего в своей деревянной кроватке. Внезапно, тишину ночи нарушил звук. Стук. Негромкий, но отчетливый. Стук в окно.

Людмила вздрогнула. Сначала она подумала, что ей показалось — морозный воздух, усталость, одиночество могли сыграть злую шутку. Но через мгновение стук повторился, более настойчиво. Сердце её забилось быстрее. Она взяла свечу, поднялась, чувствуя, как ноги стали немного ватными, и подошла к окну, расположенному в дальнем от печи углу дома. Кто мог постучать в такое позднее время? Может, птица, ищущая тепла? Или заблудившийся путник?

Подойдя ближе к окну, Людмила увидела лишь непроглядную темноту по ту сторону стекла. Ночной воздух, казалось, сгустился, превратившись в плотную завесу. Она поднесла пламя свечи ближе к стеклу, желая разглядеть, что там, в темноте. И в этот момент она замерла от ужаса.

Там стоял её муж. Тихомир.

Не может быть. Этого не может быть. Её разум отказывался верить тому, что видели глаза. Она отшатнулась от окна, словно обожженная, сердце бешено колотилось в груди. Неужели

сон? Неужели это проявление её измученного горем разума? Она ущипнула себя за руку — резкая боль пронзила её, подтвердив, что это не сон, а реальность.

Снова, с дрожащей рукой, она поднесла свечу к окну. И ей не померещилось. Он стоял там, её Тихомир, неподвижный, как изваяние. Его лицо было совершенно спокойным, без единой эмоции — умиротворенное, безмятежное, словно он только что пробудился от долгого, глубокого сна.

— Тихомир? — прошептала Людмила, её голос был едва слышен, дрожал от неверия и страха. — Это ты?

Ответа не последовало. Лишь его стеклянные глаза, лишённые прежнего тепла и жизни, смотрели прямо в её, проникая своим пустым, леденящим взглядом в самую глубину её души.

— Тихомир, ты же умер! — её голос стал чуть громче, но всё ещё полон недоумения. — Я видела, как тебя хоронили... Как тебя закапывали... Этого не может быть!

Но в ответ — лишь безмолвие. Пустые глаза Тихомира.

— Тих...

Три четких, ритмичных удара по стеклу. Её муж, её мертвый муж, постучал в окно, прерывая её слова. Она ещё раз взглянула в его пустые, безжизненные глаза. И вдруг, медленно, его рот открылся, обнажив ряд острых, как у хищника, клыков.

Страх, доселе лишь подступавший, теперь сковал её ледяными тисками. Холод, более пронизывающий, чем зимний ветер с Чусовой, охватил её тело. Она отскочила от окна, мгновенно бросившись к столу, где лежали свечи. Лихорадочно, дрожащими руками, она зажигала одну за другой. Дом, до этого погруженный в сумрак, наполнился желтым, трепетным светом.

Её ребенок, разбуженный внезапным шумом и ярким светом, заплакал. Людмила, словно в трансе, подбежала к кровати, схватила сына на руки, прижимая его к себе так сильно, будто он был единственным, кто мог уберечь её от этого ужаса, единственным якорем в бурном море её страха.

Всю ночь Людмила сидела, не смыкая глаз, крепко прижимая к себе сына. Больше стуков в окно не было. Наступило утро, и, обессиленная, уставшая от пережитого, она, наконец, позволила себе задремать, держа ребенка на руках.

Она проснулась ближе к вечеру следующего дня. Солнце уже склонялось к горизонту, окрашивая небо в багровые тона, но в доме всё ещё царил полумрак. Первое, что она сделала, — покормила сына. Затем, одевшись, поспешила к соседке, Наталье, единственной, кому она могла довериться в этом кошмаре.

— Наталья, я не знаю, как это объяснить... — начала Людмила, когда та напоила её горячим чаем. — Я видела Тихомира... Он стоял ночью у окна...

Наталья, женщина статная и добрая, внимательно выслушала её, пытаясь найти в себе силы, чтобы успокоить. Когда Людмила закончила, Наталья мягко сказала: — Людочка, милая, это, наверное, сон. Горе такое, ты одна с ребенком... Всякое может привидеться.

Но Людмила не сдавалась. Её глаза горели решимостью. — Нет, Наталья, это не сон! Я хочу, чтобы ты сама увидела! Я покажу тебе следы!

Она взяла Наталью под руку и повела к своему дому, к тому самому окну, у которого минувшей ночью стоял её муж. Они подошли, и Людмила указала на заснеженную землю под окном. Но там не было ничего. Лишь ровный, нетронутый слой снега, словно никто и не ступал по нему.

Наталья ласково обняла её. — Ну вот, видишь, милая. Это просто нервы. Ты столько пережила перед самыми родами, осталась совсем одна... Не удивительно, что тебе могло показаться.

Людмила лишь кивнула. Она вернулась домой, чувствуя себя ещё более одинокой. Весь вечер она провела с сыном, стараясь не думать о произошедшем. Когда малыш уснул, она взялась за вязание — тёплые носки для себя и для него. Монотонное движение спицами, мягкое

постукивание нитей убаюкивало. Она не заметила, как догорели свечи, как комната погрузилась в кромешную тьму.

Внезапно — резкий, оглушительный удар. Она вскочила, сердце бешено заколотилось. Вокруг была абсолютная тьма. Все свечи погасли. Людмила, нащупывая путь, направилась к шкафу, где, как она помнила, лежали запасные. Найдя одну, она зажгла её дрожащими руками. Свет медленно вернулся в комнату. Всё было спокойно. Ребенок спал. Она поставила свечу на стол, рядом с недовязанными носками.

И тут — снова удар. На этот раз в дверь. Сильный, настойчивый. Людмила поняла — это не сон. Она снова взяла свечу, подошла к двери, прислушалась. Снаружи завывал ветер. Ни звука, кроме его протяжного, тревожного воя. Раздался ещё один удар.

— Кто там? — спросила Людмила, её голос дрожал. — Что вам нужно?

Но ответа не последовало. Она простояла у двери ещё долго, прислушиваясь, но больше никто не стучал.

Тревога, поселившаяся в душе Людмилы, не отпускала её до самого утра. Лишь когда первые петухи прокричали, возвещая приход нового дня, она позволила себе, обессиленная, вздремнуть. Проснувшись, она увидела, что за окном уже стусились сумерки. Снова поздний вечер. Страх, как холодный змей, обвивал её сердце. Она решила снова пойти к Наталье, чтобы попросить её остаться на ночь.

Наталья, выслушав её, снова напоила горячим чаем. Часы текли, и Наталья, своим спокойствием и добрым словом, постепенно рассеивала клубящийся над Людмилой туман страха. Ей действительно стало немного легче. После чаепития, успокоенная, Людмила почувствовала себя достаточно сильной, чтобы вернуться домой вместе с соседкой.

Подойдя к своему дому, они остановились в недоумении. Входная дверь была распахнута настежь, словно кто-то выбежал в спешке. Сердце Людмилы сжалось от предчувствия беды. Они вбежали внутрь.

То, что они увидели, повергло их в шок. Детская кроватка, опрокинутая. И маленький Тихомир... Он лежал на полу, бледный, словно воск. Его маленькие губки приоткрыты, а глаза — безжизненны. Казалось, сама жизнь покинула его, оставив лишь оболочку.

Людмила, не чувствуя ног, бросилась к сыну. Она взяла его безжизненное тельце на руки. Слезы хлынули из её глаз, превращаясь в беззвучный, но полный невыносимой боли крик. Этот крик был настолько силён, что, казалось, мог расколоть само небо над Слободой.

Каждый день Наталья навещала Людмилу, принося еду, пытаясь заставить её есть. Но Людмила лишь сидела неподвижно в своём кресле, устремив взгляд в одну точку. Рядом лежали недовязанные носки её сына, а входная дверь была открыта настежь. Однажды, придя вновь к Людмиле, Наталья обнаружила, что дверь заперта, и сколько бы она не стучала, её соседка не открывала.

Спустя месяц, когда соседи, обеспокоенные её полным угасанием, взломали дверь, они нашли Людмилу мертвой. Она сидела в кресле, без признаков жизни, сжимая в руках недовязанный носок.

Её похоронили рядом с мужем и сыном. И в тот день, когда её укладывали в могилу, Наталья рассказала всем сельчанам о том, что говорила Люда о своём муже. Кто-то из сельчан, предложил проверить могилу Тихомира. Могилу вскрыли. И то, что они обнаружили, повергло их в ещё больший ужас. Тихомира там не было.

ЗЕЛЁНЫЕ СВЯТКИ

Лето обещало быть знойным, но для Богдана, двадцатидвухлетнего студента, погруженного в пучину экзистенциального кризиса, погода была лишь фоном для его нескончаемых размышлений. Одиночество стало его привычным спутником, тихой, но навязчивой мелодией, звучащей в унисон с его отчуждением от мира. Люди казались ему существами из другого измерения, чьи радости и печали, стремления и страхи были чужды его собственной, тонкой натуре. Он искал утешения в уединении, в молчаливом диалоге с природой, которая, казалось, отвечала ему на языке, понятном лишь ему одному. Его страстью, его способом запечатлеть ускользающую красоту мира, была фотография. Он мечтал стать известным фотографом, чьи снимки могли бы передать ту тихую, сокровенную гармонию, которую он находил в природе, но которую так редко встречал в человеческих душах.

Третье июня. Богдан сидел у кромки озера, его верный фотоаппарат покоился рядом. Он ждал. Ждал того волшебного момента, когда солнце, начиная клониться к закату, окрасит небо и водную гладь в оттенки расплавленного золота — «золотой час». Озеро, спрятанное в сердце густого леса, дышало покоем. Его зеркальная поверхность отражала верхушки вековых берез, создавая сюрреалистичный мир, где реальность и иллюзия переплетались в причудливом танце. Когда легкий ветерок пробежал по воде, отражение деревьев начинало дрожать, растворяясь в неясных, почти потусторонних очертаниях. В эти моменты Богдану казалось, что он прикасается к незримой завесе, отделяющей мир явный от мира скрытого.

«Одиночество,» — прошептал он, позволяя своим мыслям свободно парить, подобно птицам над озером. «Это не пустота, а, скорее, пространство. Пространство для самопознания, для постижения истинной сути вещей, когда внешний шум стихает. Но парадокс в том, что именно в этом пространстве ты начинаешь видеть, как мало места для себя в мире других. Мы строим вокруг себя стены, а потом удивляемся, почему нас никто не видит. Мы ищем понимания, но сами закрываем двери своих душ.»

Его философия была выкована в горниле самоанализа, отточена долгими часами наблюдений. Он видел в уединении не приговор, а свободу. Свободу быть собой, не подстраиваясь под чужие ожидания, не играя роли, навязанные обществом. Он размышлял о природе человеческих связей, о том, как хрупки и ненадежны они бывают. Люди, стремящиеся к близости, часто боятся ее, предпочитая поверхностные контакты, избегая глубины, где скрываются уязвимость и истинная искренность.

С этими мыслями, Богдан встал и углубился в лес. Его целью было поймать в объектив движение, жизнь — порхающих птиц, юрких белок. Но каждый раз, когда он наводил камеру, его намерения, казалось, каким-то образом передавались лесным обитателям. Птицы взмывали в воздух, белки исчезали в листве, словно невидимая рука отталкивала их от объектива. Это было странно, но не вызывало у него раздражения, скорее — нового витка размышлений.

Вскоре его внимание привлек большой, аккуратно построенный муравейник. Он присел на корточки, наблюдая за слаженной работой крошечных существ. Муравьи, без видимых приказов, двигались по четко заданным траекториям, каждый выполнял свою функцию, внося вклад в общее дело. «Посмотрите на них,» — прошептал Богдан, уже адресуя свои мысли воображаемому слушателю. «Здесь нет зависти, нет конкуренции, нет пустых разговоров. Есть цель, есть действие, есть коллективный разум, который движет всеми. Если бы люди так же подчинялись общему благу, если бы их действия были продиктованы не эгоизмом, а стремлением к гармонии... Мир был бы другим. Вместо страданий, войны и непонимания — созидание и мир.» Он сделал несколько снимков муравейника, пытаясь запечатлеть эту идеальную, по его мнению, модель общества.

Вернувшись к озеру, Богдан увидел то, что нарушило его уединение. У старого, заброшенного домика, стоявшего на берегу, находились две молодые девушки. Они о чем-то оживленно беседовали, смеялись. Заметив его, они бросили на него взгляды, и их смех стал громче. Богдан лишь тяжело вздохнул. Его покой был потревожен.

Но вечер принес с собой и то, чего он так ждал. Солнце, окрашенное в багряные и золотые тона, начало пробиваться сквозь густую листву, создавая на воде причудливые узоры. Он принялся фотографировать, ловя игру света и тени, отражения деревьев, мерцание воды.

Две девушки, заметив его занятие, подошли ближе. «Что вы здесь снимаете?» — спросила одна из них, с любопытством заглядывая в объектив. Богдан, немного смущенный, рассказал о своей мечте стать фотографом, о желании запечатлеть красоту этого места. «Я — Агафья,» — представилась одна из них, протягивая руку. «А это моя подруга, Леся.» Они выглядели необычно, словно сошедшие со страниц старинной книги. В их глазах была какая-то древняя, притягательная мудрость. «Ты хорошо снимаешь,» — сказала Леся, оценивающе глядя на его фотоаппарат. «А можешь сфотографировать и нас? Здесь, у этого домика.» Богдан согласился, и, несмотря на их внезапное появление, почувствовал, как в нем зарождается легкое волнение. Они встали у ветхого строения, их силуэты на фоне озера казались частью какой-то ушедшей эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.